

(Симферополь)

ЕДИНСТВО ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ – НАУЧНОЕ И ЖИЗНЕННОЕ КРЕДО Л.В. ЩЕРБЫ И Н.М. ШАНСКОГО

У статті розглядаються й зіставляються біографічні дані двох російських учених, які відіграли вирішальну роль у визначенні напрямку освіти в школі й виші.

Ключові слова: наукова й викладацька діяльність, вітчизняні освітні традиції, практична спрямованість.

This article is considered and confronted biographical facts of two Russian scientists who played decisive role in the definition of the direction of education in school and institute of higher education.

Key words: science and educational work, native tradition of education, practical orientation.

Тезис, вынесенный в название доклада, представляет собой умозаключение, сделанное в результате пристального интереса к жизни и деятельности двух русских учёных-лингвистов, широко известных как академической науке, так и практике отечественного образования.

Их общность определена их славянским происхождением, принадлежностью к русской истории, русской науке, к собственно русистике. По периодизации жизненного пути Н.М. Шанский – младший современник Л.В. Щербы, по преемственности – ученик не только в самом общем смысле, но и через посредство В.В. Виноградова, учившегося у Л.В. Щербы и учившего Н.М. Шанского. Уже одним этим фактом определяется преемственность в русистике на рубеже двух эпох и направление её развития в постреволюционной России.

Объектом нашего рассмотрения, таким образом, является одна из сторон личностей двух учёных-славистов, предметом – практическая направленность их деятельности как определяющее свойство их человеческого призвания, целью – осмысление их устремлённости к широкой практической деятельности как проявление традиций отечественной науки. Методом рассмотрения является сопоставительный анализ доступных для наблюдения фактов; процедуры анализа – сличение, рассуждение, умозаключение.

Знакомясь с биографическими данными Л.В. Щербы и Н.М. Шанского, включая данные их научной биографии, можно отметить общность их жизненных позиций, свойств ума и характера. Начальный период жизни обоих учёных, как жизни каждого образованного человека, определяется накоплением знаний – в гимназии и школе. В 1898 году Л.В. Щерба окончил с золотой медалью II киевскую гимназию, а Н.М. Шанский – в 1940 году обычную московскую школу, и также с золотой медалью.

Программа русской классической гимназии, как известно, давала достаточно глубокие знания древних и современных языков и имела общую гуманитарную направленность. Однако Л.В. Щерба вначале избрал естественный факультет Киевского университета имени Св. Владимира, откуда затем, в 1899 году перевёлся на историко-филологический факультет Петербургского университета.

Выбор Н.М. Шанского также колебался между математическим факультетом, куда его прочили школьные учителя, и гуманитарным направлением, к чему влекло его будущее призвание. Победила любовь к литературе и стихотворчеству, и в 1940 году он поступил в Московский институт истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского, который через год вошёл в состав МГУ имени М.В. Ломоносова.

Будущий учёный – действительный член двух Академий – Л.В. Щерба происходил из среды русской интеллигенции (отец, Владимир Степанович – инженер-техник; мать – Екатерина Валериевна – слушательница педагогических курсов). Будущий академик Н.М. Шанский происходил из семьи простых русских людей, не имевших образования. Отец – Максим Иванович – участник I Мировой войны, был рабочим кожевенного завода, а затем трудился в трамвайном депо; мать, Вера Дмитриевна, постигала грамоту в системе ликбеза. Демократически настроенная среда русской интеллигенции дала миру и стране учёного, чуткого к социальным вопросам и отзывчивого на запросы времени. Рабоче-крестьянская среда выдвинула своего представителя – выдающегося учёного, демократичного в силу своего происхождения и воспитания и отзывчивого на нужды своего народа.

Таким образом, профессиональное становление обоих учёных происходило в двух столичных университетах – Петербургском и Московском. Определяющим обстоятельством студенческой жизни Л.В. Щербы была встреча с выдающимся языковедом начала XX века – И.А. Бодуэном де Куртенэ. В книге В.В. Колесова "Л.В. Щерба" обращается внимание на совпадения в фактах биографии, во внешности и в характере учителя и ученика. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что в 60-е годы XIX века Бодуэн де Куртенэ неожиданно оставил математический факультет и перешёл на историко-филологический, как и Л.В. Щерба, резко изменивший направление своего образования.

Учителями Н.М. Шанского была целая плеяда учёных, ставших классиками русской лингвистики советского периода: В.В. Виноградов, Р.И. Аванесов, С.В. Бернштейн, А.М. Селищев, Н.К. Гудзий, А.А. Реформатский, Е.М. Галкина-Федорук. Но главным наставником в науке стал Г.О. Винокур. Н.М. Шанский, слушая лекции Г.О. Винокура и занимаясь в его семинаре по словообразованию, воспринял от него широкий лингвистический кругозор, отношение к научному и педагогическому труду не только как к реализации творческих амбиций, но и как к способности к черновой работе [1, с. 8].

Оба учёных высоко чтили своих учителей: Бодуэн де Куртенэ для Л.В. Щербы "сделался кумиром на многие годы", а Г.О. Винокур даже для своего уже именитого и прославленного ученика, 74-летнего академика Н.М. Шанского, продолжал оставаться дорогим человеком, о чём свидетельствуют воспоминания Т.А. Бобровой.

В.В. Колесов, сопоставляя факты биографий И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы, отмечает общность их социального происхождения. В одно и то же время, на рубеже XVIII-XIX веков, в России появились первые Щербы (в Москве из Сербии) и первые Бодуэны (в Варшаве из Франции): наполеоновские войны подняли с места многие старинные роды, которые осели в России, чтобы затем дать миру великих учёных. "Оба они, – продолжает В.В. Колесов, – и учитель, и ученик из инженерных семей, рождённые в той социальной среде, которая, сохраняя понятия о личной чести, воспитывала и демократизм в отношении к низшим по социальной ступени. И не только уважение, но и желание помощи, поддержки – дела. Всю свою жизнь и Бодуэн, и Щерба испытывали свойственное для них желание в самой отвлечённой науке, даже в самом

теоретическом знании найти ту золотую крупицу практической пользы для всех, которая проистекала бы из новых открытий и достижений современной науки" [2, с. 12].

Н.М. Шанский, будучи генетически связанным с русским народом, вскормленным и вспоенным русской землёй, восходя к старинному русскому роду (Шанские, по свидетельству самого Н.М. – в хрониках России), но социально безусловно пролетарского происхождения, обладал не меньшим стремлением к самоотдаче. "... И более всего любит заниматься тем, что имеет непосредственный выход в практику" – читаем в прижизненном издании биографического сборника "Отечественные лексикографы XVIII-XX века" [3, с. 448]. Будучи младшим современником Л.В. Щербы, Н.М. Шанский стал прямым его преемником и последователем, сочетая в себе систематический труд исследователя в области теоретического языкознания и педагогической деятельности на широкой ниве образования и просвещения.

Практическая деятельность учёного-филолога связана, как правило, с преподаванием словесности в высшей школе. Однако подлинный демократизм носителей высокого научного знания проявляется в деятельном участии в организации школьного образования.

Путь Л.В. Щербы-учёного начинался с опытов преподавания языка и литературы в I кадетском корпусе. Затем, на протяжении всей жизни, Л.В. Щерба вёл преподавательскую и просветительскую работу и в школе, и на высших женских курсах (Бестужевских), и в педагогическом институте в Петрограде. Первый свой научный доклад "О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета" Л.В. Щерба делает в 1904 году на I съезде преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях с научно-теоретических и научно-методических позиций. Будущий учёный говорит о необходимости воспитывать у школьников самостоятельное мышление и сосредоточенное внимание к формам языка, выражающим те или иные мысли. В нём уже заявлен главный научный и жизненный принцип учёного: какой бы важной ни была теория, какой бы сложной она ни была – выведи из неё практическое следствие и передай людям [2, с. 21-22].

Путь к преподавательской деятельности Н.М. Шанского пролегал через аспирантуру, где он в течение года под руководством Г.О. Винокура работал над диссертационной темой "Синтаксис онегинской строфы", но затем, после смерти учителя, вынужден был сменить область исследований. За очень короткий срок под руководством Р.И. Аванесова была выполнена работа "Из истории имён существительных на –ость в современном русском литературном языке" – системное диахроническое исследование структурно-семантического разряда слов в сравнительно-историческом аспекте, с выходом в проблематику происхождения русского литературного языка [1, с. 8-9].

Практическая преподавательская деятельность Н.М. Шанского началась в Рязанском педагогическом институте в 1947 году, где он читал все историко-лингвистические курсы. Судя по его личным воспоминаниям о рязанском периоде жизни, своим становлением как учёного он обязан этому трудному периоду послевоенного времени.

Становление учёного Л.В. Щербы происходило под постоянным и заинтересованным вниманием Учителя и продолжалось с 1906 по 1909 годы в условиях длительной заграничной командировки в Лейпциге, Париже и Праге.

Дальнейшие годы научной и педагогической деятельности Шанского связаны не только с преподавательской, но организационно-просветительской деятельностью. Работа в качестве

старшего редактора в издательстве "Просвещение", чтение лекций издательским работникам, преподавание в Заочном полиграфическом институте, в Московском городском педагогическом институте им. В.В. Потёмкина, а затем, по приглашению В.В. Винаградова, работа на кафедре русского языка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в качестве доцента, а затем и профессора.

С просвещением, и не только вузовским, связана и поистине необозримая деятельность Л.В. Щербы. Оценивая пройденный жизненный путь, Л.В. Щерба в своём научном творчестве особенно выделял последовательное единство теории и практики, создание научной фонетической школы и свою педагогическую деятельность. Ведущий принцип академика Л.В. Щербы – найти практическое применение знаниям самого высокого теоретического уровня, то есть войти в самые широкие области социальной и культурной жизни, вооружившись научной истиной, – в не меньшей мере можно отнести к основным жизненным установкам академика Н.М. Шанского.

Область научных интересов Л.В. Щербы – фонетика, фонология, синтаксис, общая теория языкознания, сравнительная грамматика индоевропейских языков, теория орфографии, диалектология. Область научных интересов Н.М. Шанского – лексикология, этимология, морфология, словообразование, ономастика. Полное совпадение интересов обоих учёных можно наблюдать в области широкого практического применения научных знаний. Это нашло выражение в разработке подходов к созданию фундаментальных трудов справочного характера, в пристальном интересе к вопросам лексикографии и методики преподавания русского и иностранных языков, а также русского для нерусских, в разработке методов лингвистического толкования художественных текстов.

Масштаб личностей, широкая эрудиция, общественный темперамент привели каждого из учёных к обдумыванию серьёзных научных проектов: академической грамматики русского литературного языка – у Л.В. Щербы и базисного русского языка в учебных целях – у Н.М. Шанского.

По свидетельству современников, Л.В. Щерба активно готовил выход такого труда: постоянно размышлял над ним, выносил эти размышления на обсуждение, готовил материалы. Он хотел видеть труд, излагающий грамматическое учение чётким, доступным и изящным языком. По замыслу учёного, таким фундаментальным пособием могли бы пользоваться не только специалисты, но и все образованные люди самых различных профессий [2, с. 84].

Проект Л.В. Щербы был осуществлён коллективом ведущих русистов страны, но первая академическая "Грамматика русского языка" в двух томах была опубликована в 1953-1954 годах, уже после смерти Льва Владимировича. Первая академическая грамматика была по характеру нормативно-описательной, то есть могла служить в качестве справочного пособия для всех, кто стремится правильно говорить и писать по-русски, и в этом отношении вполне соответствовала широким просветительским устремлениям академика. Последующие издания (1970 и 1980 годы) отошли уже от установок нормативности и отражали поиски моделей описания языка, то есть содержали много дискуссионного и не отстоявшегося в науке. Как отмечает В.В. Колесов, "Трудно оказалось исполнить классически ясный и до сих пор важный замысел Л.В. Щербы. Сложно выделить в языке основное и описать не мёртвую схему, не списки фонем и морфем, а живую речь во всех её "обертонках" [2, с. 85]. Требование, последовательно перебирая, описать все уровни языка, но обязательно с точки зрения всех, выйти на уровень категориальных смыслов – задача, посильная лишь академической науке.

Н.М. Шанский, будучи членом-корреспондентом Академии педагогических наук, в 1970 году принял руководство вновь созданным Научно-исследовательским институтом преподавания русского языка в национальной школе. Став, таким образом, во главе целого научного направления, выдающийся теоретик-лингвист призван был разработать концепцию обучения русскому языку нерусских, сопрягая теорию языка с практикой его преподавания в школах всех союзных республик Советского Союза. Николай Максимович увидел, обосновал и закрепил в термине лингводидактика их неразрывную, взаимообуславливающую связь [см.: 4].

Лингводидактика, по мнению автора этого термина, является важным выходом языкознания как науки в человеческую практику: "Прогресс в обучении языку и прогресс в изучении языка – единое нерасторжимое целое, и одно стимулирует другое" [5, с. 15].

Центральное место в концепции отводится системному лингвистическому описанию, на основе которого может быть создан базисный русский язык, необходимый и достаточный для свободного общения [6, с. 197]. Построение эффективного обучения академик Шанский прямо связывает с уровнем развития теории и практики лингвистического описания, что означает, по мнению учёного, не только глубокий поуровневый анализ языка, но также сопоставительное, типологическое и сравнительно-историческое изучение русского и родного языков. Такое монолингвальное и билингвальное описание должно производиться с соблюдением требования строгой научности, а всякое отступление от строгой научности и системности чревато эмпиризмом, что с позиции учёного недопустимо.

"Николаю Максимовичу не удалось разработать и воплотить в жизнь все свои идеи, касающиеся общей и частной лингводидактики. Многому ещё не пришло время, не созрели исполнители" – свидетельствует Т. А. Боброва [1, с. 13-14]. И, кроме того, истёк исторический срок: в 1992 году Научно-исследовательский институт был реорганизован, а поставленные Н.М. Шанским задачи на какое-то время потеряли свою практическую актуальность. Тем не менее, вопрос о создании базисного русского языка современности на основе лингвистического описания современного русского языка с педагогическими целями сохраняет свою актуальность, поскольку сохраняется потребность в изучении русского языка нерусскими.

Не менее важной и трудной для выполнения, чем создание академической грамматики, была поставленная Л.В. Щербой задача создания академического нормативного словаря современного русского языка. Выполнение её растянулось на многие десятилетия, но в окончательном, соответствующем замыслу виде, она полностью не решена до сих пор. Полный комплект учебных словарей, задуманный Н.М. Шанским, также не был до конца реализован – в нём не оказалось стержневого словаря-справочника по грамматике, что легко объясняется отсутствием системного лингвистического описания языка в учебных целях для иноговорящих учащихся.

Л.В. Щерба, начавший свою трудовую жизнь учителем русского языка в I кадетском корпусе, всю свою жизнь был близок к школе и, находясь во время войны в эвакуации, активно участвовал в работе органов народного образования. О практической направленности этой стороны деятельности учёного говорят сами названия работ по методике, написанных с позиций высокого научного знания: "Образовательное значение языка", "Трудности синтаксиса русского языка для русских учащихся", "О взаимоотношении родного и иностранного языков", "О практическом и общеобразовательном значении иностранного языка", "Как надо изучать иностранный язык". С 1937 по 1944 годы Л.В. Щерба был главным редактором всех стабильных учебников по русскому языку для средней школы. "Действительно, не многие из русских учёных, академиков могут сказать о столь непосредственной и плодотворной связи с народным образованием, школой,

школьным преподаванием, как Л.В. Щерба" – замечает В.В. Колесов. Сам Л.В. Щерба, сыгравший решающую роль в становлении школьного образования в 20-е – 30-е годы, объяснял это тем, что в нём сочетались теоретик-лингвист и методист-практик [2, с. 115].

Н.М. Шанский, начав свою трудовую деятельность в качестве преподавателя высшей школы, всю свою жизнь был связан с народным образованием, учительством и средней школой. С 1996 года, в течение 42-х лет, Н.М. Шанский был главным редактором научно-методического журнала "Русский язык в школе". С 1970 года в должности директора НИИ ПРЯНШ при АПН СССР встал во главе целого научно-методического направления "русский язык в национальной школе", по-прежнему занимаясь вопросами преподавания родного языка в русской школе. Об этом говорят наименования многих его публикаций.

Как и Л.В. Щерба, Н.М. Шанский видел прямую связь, существующую между уровнем теоретических лингвистических знаний и развитием практики преподавания в школе и вузе, утвердив их единство в термине лингводидактика. В докладе на Ш Конгрессе МАПРЯЛ в 1976 году (Варшава), Н.М. говорил о том, что "нельзя правильно определить будущее и стратегию лингвистики точно так же, как совершенно невозможно развивать лингводидактику без всё более тщательной и детальной разработки её лингвистических основ" [5, с. 15].

Подводя итог проведённому анализу, можно сделать следующий вывод. Эпохальность фигур обоих учёных – Л.В. Щербы и Н.М. Шанского – определяется не только глубиной их проникновения в сферу языка и не только широтой их лингвистических интересов, но также и значимостью их личного участия в послереволюционном и послевоенном становлении отечественного образования. Идеи, лёгшие в основу научной, образовательной, просветительской деятельности этих учёных, не только не исчерпали себя, но и как никогда раньше требуют своего развития и осуществления, взывая к той части современного общества, которая не готова порвать со своими историческими корнями, отечественной наукой, духовными и общественными традициями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боброва Т.А. О Николае Максимовиче Шанском // Н.М. Шанский – теоретик, практик, педагог: Материалы мемориальной юбилейной международной научно-практической конференции. 22 ноября 2012 г. – Симферополь: Дом Писателей им. Домбровского, 2012. – С. 3-24.
2. Колесов В.В. Л.В. Щерба: Кн. для учащихся. – М.: Просвещение, 1987. – 160 с.: ил. – (Люди науки).
3. Отечественные лексикографы XVIII-XX века / Под. ред. Багатовой Г.Н. – М.: Наука, 2000. – 508 с.
4. Ховалкина А.А. Verba magistri: "русский язык как иностранный" с позиции концепции Н.М. Шанского "русский как неродной" // Н.М. Шанский – теоретик, практик, педагог: Материалы мемориальной юбилейной международной научно-практической конференции. 22 ноября 2012 г. – Симферополь: Дом Писателей им. Домбровского, 2012. – С. 125-138.
5. Шанский Н.М. Русская лингводидактика и языкознание. – "Русский язык в школе", 1976, № 6. – С. 14-18.

6. Шанский Н.М. Русское языкознание и лингводидактика. – М.: "Русский язык", 1985. – 239 с.